

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Бог сотворил мир за семь дней. На восьмой
день человек решил, что может лучше

Виктор Иванченко

Восьмой день творения

«Автор»

2026

Иванченко В.

Восьмой день творения / В. Иванченко — «Автор», 2026

Бог сотворил мир за семь дней. На восьмой день человек решил, что может лучше. В секретном подземном комплексе «Арахна» проект «Восьмой день» должен был стать величайшим триумфом медицины. Гениальный ученый Виктор Громов вывел «Еву» — разумную особь, чья ДНК способна мгновенно исцелять любые раны и запустить эволюцию человека на полную мощность. Но у безупречного биологического бессмертия оказалась обратная сторона. Разумный, эволюционирующий рой, несущий на своих брюшках уродливые, словно улыбающиеся человеческие лица, вырвался на свободу. Теперь в темных лабиринтах вентиляционных шахт бункера люди и их идеальные творения поменялись местами в пищевой цепочке. И этот кошмар только начинает свой путь вверх.

© Иванченко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Теснота	5
ГЛАВА 1. Проект «Восьмой день»	7
ГЛАВА 2. Мясорубка на «Минус-четыре»	9
ГЛАВА 3. Огненный заслон	11
ГЛАВА 4. Герметичность	13
ГЛАВА 5. Шаг в бездну	15
ГЛАВА 6. Мертвая плоть	17
ГЛАВА 7. Последний аргумент	19
ГЛАВА 8. Цена триумфа	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Восьмой день творения

ПРОЛОГ. Теснота

Олег ненавидел вентиляционные шахты комплекса «Арахна» не из-за темноты. Темнота была привычной — густой, пахнувшей оцинкованным железом и застоявшимся машинным маслом. Он ненавидел их за то, что здесь нельзя было расправить плечи. Рост Олега был под метр девяносто, и каждый раз, когда на техническом этаже «Минус-4» забивался воздушный фильтр, его рабочая смена превращалась в пытку.

Локоть Олега скользнул по влажному, холодному металлу короба. Он попытался подтянуть колено, чтобы перераспределить вес, но джинсы под рабочей робой натянулись, и сустав намертво уперся в стальное ребро стыка. Поясницу обожгло болью. В душливой темноте вентиляции, где воздух казался густым, как кисель, его собственное дыхание пахло паникой — кислым, металлическим потом. Чехол монтажного ножа на поясе зацепился за какую-то внутреннюю заклепку, намертво пригвоздив Олега к полу трубы. Он полз на животе, волоча за собой тяжелую сумку с инструментами. Фонарик на лбу выхватывал из темноты серые металлические ребра короба.

Каждое движение отзывалось жутким, скрежещущим эхом по всей длине вентиляционной магистрали. Ему казалось, что само оцинкованное железо вокруг него сужается, превращаясь в тиски, сжимающие ребра.

— Диспетчерская, это Самойлов, — выдохнул Олег в гарнитуру, и его собственное дыхание вернулось к нему горячей волной от глухой стены железа. — Я у разветвления сектора «Б». Тут воздух стоит. Такое ощущение, что заслонку заклинило.

В наушнике зашипело, а затем раздался ленивый, жующий голос дежурного Сереги:— Принял, Олеч. Посмотри там привод. И давай побыстрее, через полчаса трансляция финала кубка, я пиццу заказал в буфет.

— Постараюсь, — буркнул Олег.

Он повернул за угол распределительного короба и замер. Фонарь осветил то, чего здесь быть не могло.

Прямо перед ним вентиляционная труба была перегороджена странной занавесью. Она выглядела как серая, невероятно густая строительная пыль, но когда Олег приблизил лицо, лучи света заставили эту пыль слабо, маслянисто заблестеть. Это была паутина. Но не та тонкая, воздушная нить, которую смахиваешь со лба на даче. Эта ткань напоминала плотную, влажную марлю. Она вибрировала от набегающего снизу потока воздуха.

— Какого черта... — прошептал Олег. — Серег, у нас что, в секторе «Б» фильтры вообще не меняли со времен постройки? Тут всё заросло какой-то дрянью.

Рация промолчала. Вместо голоса Сереги в наушнике раздался странный звук. *Щелк. Щелк. Тр-р-р.* Похоже на то, как кто-то быстро-быстро стучит ногтями по пластиковому столу.

— Серег?

Олег потянулся к сумке, достал монтажный нож и полоснул по серой занавеси. Лезвие вошло с трудом, будто резало плотную резину. Из надреза не посыпалась пыль. Оттуда вытекла капля густой, абсолютно черной жидкости. Она упала на железное дно шахты с глухим, тяжелым шлепком.

И в этот же миг звук изменился.

Щелк-щелк-щелк раздалось уже не в наушнике. Звук шел со всех сторон. За спиной. Впереди, за липкой ширмой. Сверху, где железный потолок короба отделял Олега от бетонных перекрытий бункера. Это был звук сотен крошечных, твердых конечностей, бьющихся о

металл. Оцинкованная труба превратилась в гигантскую мембрану, которая начала мелко дрожать.

Шорох сзади стал ближе. Это не было шуршание крыс — крысы скребутся когтями. Этот звук был мягким, переливчатым, словно кто-то перебирал сотнями кожаных жгутов по сырому металлу. Олег почувствовал, как к его лодыжке, оставшейся в темноте далеко позади, прикоснулось что-то холодное, склизкое и одновременно волосатое. Прикоснулось и замерло, оценивая температуру человеческого тела.

— Серега! Включай реверс вентиляции! Срочно! — крикнул Олег, чувствуя, как внутри живота начинает разрастаться холодный, липкий ком.

— Оле... — прорвался сквозь треск голос диспетчера, но тут же захлебнулся. В трубке раздался короткий, пронзительный человеческий вопль, который оборвался хлюпающим звуком. А затем снова это сухое: *тр-р-р-р*.

Олег попытался сдаться назад. Но в узком коробе, лежа на животе, сделать это быстро невозможно. Колени уперлись в металл, ремень сумки перекрутился и намертво застрял где-то сзади за выпирающий болт. Он был заперт. В железном гробу шириной в семьдесят сантиметров.

Фонарь на лбу мигнул и погас на секунду. Когда он загорелся снова, Олег увидел, что разрезанная им серая ткань шевелится.

Из черного разреза высунулось нечто. Оно не было похоже на обычного паука. Длинная, лоснящаяся, абсолютно лысая лапа, покрытая сегментированным кожистым панцирем, как у глубоководного рака. Она была толщиной с человеческий палец. Лапа слепо поскребла по металлу, нащупывая источник тепла, а затем из темноты показалась узкая, лишенная глаз голова с паней массивных, влажно поблескивающих жвал. Они судорожно сжимались и разжимались, оставляя на железе капли темной слизи.

Олег закричал. Его крик ударился о стены короба и оглушил его самого.

Он рванулся назад с такой силой, что ободрал кожу на пояснице об острый край стыка, но проклятая сумка держала его, как якорь. А сзади, из темноты, откуда он приполз, уже доносился точно такой же шорох. Мягкий, стремительный, шуршащий.

Они шли на его тепло.

С серой марлевой занавески впереди один за другим начали отделяться черные комки размером с кулак. Они не бежали — они текли по трубе, заполняя собой всё пространство.

Свет налобного фонаря выхватил последнюю деталь, прежде чем первая тварь прыгнула ему прямо в открытый для крика рот: на их раздутых брюшках не было привычного креста. Там отчетливо угадывался рисунок, похожий на сморщенное, уродливое человеческое лицо. И оно словно улыбалось.

ГЛАВА 1. Проект «Восьмой день»

Виктор Громов любил смотреть на огонь, но еще больше он любил смотреть на то, как затягиваются раны.

В стерильной тишине бокса 4, залитого мягким неоновым светом, на операционном столе лежала лабораторная макака-резус. Час назад хирургический манипулятор сделал глубокий, аккуратный надрез на ее бедре, повредив крупную артерию. Обычное животное истекло бы кровью за десять минут. Но сейчас рана не кровоточила.

По краям разреза, словно живая серебряная паутина, пульсировали тончайшие белковые нити. Они стягивали края кожи с поразительной скоростью. Клетки делились в тысячи раз быстрее, чем заложено природой. Ткань восстанавливалась прямо на глазах, оставляя лишь едва заметную розовую полоску.

— Потрясающе... — прошептала Анна, стоявшая за плечом Громова. Ее пальцы судорожно сжимали планшет, а на лбу выступили мелкие капли пота. — Виктор Сергеевич, регенерация завершена на 98%. Плотность волокон в пределах нормы. Некроза нет. Мы... мы сделали это?

Громов не ответил сразу. Он медленно снял очки в тонкой золотой оправе, аккуратно протер их краем белоснежного халата и снова водрузил на переносицу. Ему было пятьдесят два года, но выглядел он безупречно: идеальная осанка, ухоженная седеющая борода, холодный, пронзительный взгляд человека, который давно привык смотреть на окружающих сверху вниз.

— Не «мы», Анечка, — мягко, но с железной интонацией поправил он. — Природа. Мы лишь исправили ошибку Создателя. Бог потратил на эволюцию миллионы лет и создал человека хрупким, словно стекло. А мы потратили пять лет и нашли решение в ДНК существа, которое пережило динозавров.

Он повернулся к огромному бронированному стеклу, за которым простиралась Святая Святых комплекса — Сектор «Б».

Там, в искусственном полумраке огромного вольера, воссоздающего атмосферу доисторических джунглей, покоилась Терра-инкогнита. Проект «Восьмой день».

Громов подошел ближе к стеклу. Там, на толстой ветке папоротника, сидела особь-матрица, которую в лаборатории ласково звали «Ева». Она была размером с крупную кошку. Ее матово-черный, словно обмазанный дегтем панцирь поглощал свет. В отличие от обычных пауков, у нее было не восемь глаз, а всего два — огромные, фасеточные, налитые тусклым багровым блеском. И они смотрели прямо на Виктора.

Громову всегда казалось, что в этом взгляде нет животной пустоты. Там был интеллект. Холодный, расчетливый и бесконечно чуждый.

— Вы увеличили дозу сыворотки для третьей группы? — спросил Громов, не отрывая взгляда от Евы. — Да, — голос Анны слегка дрогнул. — Но, Виктор Сергеевич, мне не нравятся последние показатели энцефалограммы. Их нейронная сеть... она усложняется. Такое ощущение, что особи общаются между собой. Не на уровне феромонов, как муравьи, а... сложнее. Сигналы идут пакетами. Будто они кодируют информацию.

Громов снисходительно усмехнулся. Гордыня — это самый быстрый путь в ад. И Громов был болен этой гордыней до мозга костей.

— Анечка, милая, они заперты за тремя слоями закаленного поликарбоната с армированием. В воздухе — постоянный концентрат парализующего газа. Даже если они научатся играть в шахматы, они останутся всего лишь насекомыми в банке. Наша задача — качать из них шелк для субстанции. Скоро мы представим проект министерству. Мы перепишем медицину.

В этот момент Ева на ветке медленно подняла одну из передних лап. Она сделала это плавно, почти по-человечески, и прижала сегментированную конечность к толстому стеклу. Прямо напротив лица Громова.

Виктор замер. Ему показалось, что по стеклу прошла едва заметная вибрация.

И тут свет в боксе моргнул.

Один раз. Второй. Мягкий неон сменился резким, бьющим по глазам багровым светом аварийных ламп. Тишину комплекса разорвал тяжелый, завывающий вой сирены.

Внимание! Нарушение герметичности в технологическом секторе «Минус-4». Внимание!

— Что за черт... — нахмурился Громов, мгновенно раздражаясь. — Опять у этих идиотов из техотдела полетела вентиляция? Серега на пульте снова уснул?

— Виктор Сергеевич... — Анна отступила на шаг, ее лицо стало мертвенно-бледным. Она смотрела на свой планшет, где один за другим загорались красные маркеры. — Это не вентиляция. Сигналы жизнедеятельности в диспетчерской... они пропали. У Сергея нулевой пульс. И у Олега из выездной бригады тоже.

— Что значит нулевой? — Громов шагнул к ней и вырвал планшет.

Экран мигал. Карта подземного комплекса стремительно окрашивалась в багровый цвет. Но пугало не это. Датчики давления в вольерах Сектора «Б» начали падать.

Громов резко обернулся к стеклу.

Евы на ветке больше не было. Папоротник пустовал. Полумрак вольера казался необитаемым, но Громов с ужасом заметил, что вентиляционная решетка в дальнем углу вольера — массивная, стальная, прикрученная болтами — вырвана с мясом. Из черного зева трубы свисали клочья густой, серой, влажной марли.

А затем сверху, прямо над их головами, раздался звук.

Это не был треск электричества или гул турбин. Это был сухой, оглушительный, заполняющий всё пространство хруст. Будто тысячи гигантских ногтей одновременно заскребли по металлическому потолку их стерильного бокса.

Щелк-щелк-щелк. Тр-р-р-р-р.

Животное на операционном столе — макака, чья рана только что затянулась благодаря величайшему открытию Громова — вдруг дико, по-человечески закричала. Она забилась в ремнях, глядя вверх.

Громов медленно поднял голову. Из вентиляционного люка на потолке лаборатории, капля за каплей, начала сочиться густая, абсолютно черная жидкость. Она падала на кафельный пол с тяжелым, влажным стуком.

А вслед за ней из темноты показались первые жвала.

ГЛАВА 2. Мясорубка на «Минус-четыре»

Капитан службы безопасности Михаил Корсаков не верил в чертовщину. За плечами у него были две командировки в горячие точки, штурмы укрепленных районов и контузия под Бамутом. Он знал, как пахнет порох, как кричат раненые и как выглядит смерть. Но он никогда не думал, что смерть может пахнуть сыростью и старой, застоявшейся пылью.

Когда на пульте «Минус-4» замигал багровый сигнал тревоги, Корсаков как раз проверял табельное оружие в оружейной комнате первого яруса.

— Группа «Один», за мной. Оружие к бою. Боевые патроны, — коротко бросил он в рацию, застегивая тяжелый бронежилет «Корунд».

Рядом с ним трое молодых бойцов — срочники-контрактники, не видевшие ничего страшнее пьяных драк в гарнизонах — спешно передергивали затворы укороченных автоматов АК-105. Их бледные лица в свете аварийных ламп казались гипсовыми масками.

Лифт был заблокирован автоматикой. Корсакову и его парням пришлось спускаться по винтовой технологической лестнице. Чем ниже они опускались, тем гуще становился воздух. На уровне третьего яруса Корсаков почувствовал странный сладковатый привкус на губах.

— Капитан, слышите? — шепнул сержант Денисов, молодой парень с веснушками, шедший вторым. Он держал ствол автомата направленным вниз, в темноту лестничного пролета.

Корсаков поднял руку, приказывая замереть.

Снизу, из темноты Сектора «Б», доносился странный гул. Это не была сирена. Звук напоминал шуршание миллионов сухих листьев, которые ветер гонит по асфальту. Но к этому шуршанию примешивался другой, тяжелый звук — ритмичные, влажные шлепки. Будто кто-то бросал на бетон сырые куски мяса.

— Фонари на стволы, — скомандовал капитан. — Шаг в шаг. Если что-то движется — огонь без предупреждения.

Они вышли на палубу «Минус-4». Здесь аварийное освещение уже не горело — лампы были выбиты. Лучи тактических фонарей прорезали абсолютную, плотную тьму коридора, упираясь в серые стены из монолитного бетона.

— Мать божья... — выдохнул Денисов.

Весь коридор, ведущий к лаборатории Громова, был изменен до неузнаваемости. Стены, потолок и даже пол были затянуты толстым слоем серой ткани. Она висела тяжелыми, влажными складками, похожими на внутренности гигантского животного. Под ногами хрустело. Свет фонаря выхватил причину: весь пол был усыпан пустой пластиковой оберткой от кабелей. Твари не просто сбежали — они сжирали изоляцию, оголяя провода. Под серой паутиной то и дело с треском проскакивали синие искры короткого замыкания.

Корсаков наступил на эту ткань. Подошва армейского ботинка увязла, раздался мерзкий, липкий звук, словно он наступил на гигантскую жевательную резинку.

— Капитан, глядите туда! — фонарь третьего бойца, рядового Сычева, высветил объект в десяти метрах впереди.

Посреди коридора, подвешенный к потолку в плотном сером коконе, находился человек. Кокон был полупрозрачным, пропитанным какой-то желтоватой жидкостью. Сквозь него отчетливо угадывались контуры охранника из дневной смены — Коли Петрова. Его голова была неестественно повернута набок, а широко открытые глаза стекленели в луче света.

Но самым страшным было не это. Кокон шевелился. Под кожей Петрова, в районе шеи и щек, что-то быстро и хаотично двигалось, создавая бугры, словно под эпидермисом ползали сотни дождевых червей.

— Помо... — вдруг раздался из кокона глухой, хлюпающий сип. Петров был еще жив. Его губы судорожно дернулись, и изо рта вместе со сгустком черной крови выполз маленький, размером с грецкий орех, абсолютно лысый паук с белесым человеческим лицом на брюшке.

— Назад! — рывкнул Корсаков, но Сычев, поддавшись панике, нажал на спусковой крючок.

Короткая очередь из АК-105 разорвала тишину. Грохот в замкнутом пространстве ударил по ушам. Пули разнесли кокон и тело Петрова на куски. Но вместе с этим они разрушили хрупкое равновесие.

Серая ткань на стенах мгновенно заходила ходуном.

Тр-р-р-р-р-р! — сухой хруст превратился в лавину.

Из сотен вентиляционных отверстий, из щелей в кабельных каналах, прямо из-за пазух разорванного кокона на свет фонарей хлынул черный поток. Это были не мелкие особи. Первыми шли «солдаты» — твари размером с хорошего добермана. Их сегментированные лапы стучали по бетону с ужасающей скоростью. У них не было глаз, но массивные жвалы раскрывались горизонтально, обнажая ряды мелких, похожих на иглы зубов.

— Огонь! Огонь, стреляй! — заорал Денисов, срываясь на фальцет.

Коридор превратился в ад. Вспышки выстрелов выхватывали из темноты сюрреалистические картины: пули триумфально разносили хитиновые панцири, из тварей брызгала едкая желтая жижа, разъедающая бетон, но их было слишком много. Они не знали страха. Они шли волной, наступая на трупы своих сородичей.

Один из пауков прыгнул с потолка прямо на Сычева. Тварь весила не меньше тридцати килограммов. Сбив парня с ног, она мгновенно вонзила жвалы ему в горло через воротник формы. Сычев даже не успел вскрикнуть — раздался жуткий хруст ломающихся шейных позвонков, и боец затих.

— Отходим к лестнице! Отходим! — Корсаков стрелял одиночными, целясь точно в широкие головы тварей. Его «Корунд» был заляпан вонючей слизью.

Денисов пятился, поливая коридор непрерывным огнем, пока затвор его автомата не встал на задержку. Смертоносный щелчок пустого магазина.

— У меня пустой! Я пустой, капитан!..

В этот момент из темноты за спиной Денисова, прямо из проема винтовой лестницы — их единственного пути к спасению — медленно выдвинулось нечто другое. Это существо было размером с легковой автомобиль. Его брюхо, покрытое уродливыми наростами, напоминающими искаженные в крике лица, едва протискивалось в пролет. Две огромные передние клешни, вибрируя, потянулись к спине сержанта.

Корсаков понял: они отрезаны. Комплекс «Арахна» больше не принадлежал людям. Это было гнездо.

ГЛАВА 3. Огненный заслон

— Капитан! Магазин! Дайте магазин! — Денисов в панике шарил по разгрузочному жилету, его трясущиеся пальцы путались в ремнях. Он еще не видел, что у него за спиной.

Но Корсаков видел. Огромные, лоснящиеся клешни твари уже замерли в нескольких сантиметрах от шеи сержанта, словно примеряясь для одного точного удара. Из жвал чудовища на бетон текла пенистая, вонючая слизь.

У капитана не было времени на объяснения. Он сделал единственное, что могло спасти парня: шагнул вперед, схватил Денисова за воротник бронежилета и с силой рванул на себя, швырнул его на грязный пол коридора.

В ту же секунду лезвия клешней с металлическим звонком сошлись в том месте, где только что была голова сержанта. Сила удара была такой, что от бетонной стены отлетел кусок штукатурки.

— Ползи! В сторону боксов, живо! — рявкнул Корсаков, вскидывая автомат.

Он выпустил остаток магазина прямо в морду гиганта. Пули 5.45-мм рикошетили от толстого хитинового панциря, оставляя лишь белесые царапины, но это заставило тварь на секунду отпрянуть назад в пролет лестницы.

Сзади, из глубины коридора, уже бежала волна тварей поменьше. Они прыгали по телу погибшего Сычева, их сухие лапы щелкали по металлу всё ближе и ближе. Корсаков бросил пустой автомат. Надеяться на свинец больше не приходилось.

Его рука скользнула к нижнему под сумку разгрузки. Пальцы нащупали тяжелый, шероховатый цилиндр. РГШ-2. Реактивная штурмовая граната, снаряженная термобарической смесью. В замкнутом пространстве бетонного бункера это было самоубийством, но у Корсакова не оставалось выбора. Либо они сгорят, либо их сожрут заживо.

— Закрой уши и рот! — крикнул он Денисову, который в ужасе отползал назад, оставляя на полу кровавые полосы от ободранных ладоней.

Капитан зубами выдернул чеку. Время словно замедлилось, как всегда бывает в бою. Он отчетливо видел уродливый рисунок на брюхе чудовища — сморщенную биомассу, похожую на застывшую в крике человеческую маску. Тварь издала низкий, вибрирующий ультразвуковой свист, от которого заложило уши, и снова двинулась вперед.

Корсаков с размаху швырнул гранату прямо под брюхо гиганта, в узкий проем винтовой лестницы, и прыгнул на пол, накрывая собой голову Денисова.

Секунда тишины. А затем мир перестал существовать.

Термобарический взрыв — это не просто вспышка. Это мгновенное выжигание всего кислорода в объеме. Сначала раздался глухой, хлопающий звук рассеивания аэрозольного облака, а через долю секунды — чудовищный, объемный гул детонации.

Воздушная волна ударила Корсакова в спину с такой силой, что из легких вышибло весь воздух. Бронежилет нагрелся мгновенно, до обжигающей боли. Бетонные стены коридора содрогнулись, сверху посыпалась гранитная крошка и куски штукатурки.

В пролете лестницы образовался адский огненный вихрь. Температура в эпицентре подскочила до нескольких тысяч градусов. Огромная матка проекта «Восьмой день» даже не успела закричать — ее хитиновый панцирь лопнул, а внутренности мгновенно закипели и превратились в пар. Огненная волна ринулась вверх и вниз по лестничному колодцу, превращая всех пауков, находившихся там, в обугленные угольки.

Когда гул затих, в коридоре воцарилась удушливая, раскаленная темнота. Воздух стал обжигающим, пахнущим паленой шерстью, гарью и чистым озоном. Пол под Корсаковым был горячим.

Капитан тяжело поднялся на колени, закашлявшись от едкого дыма. Каждое дыхание отзывалось болью в опаленной носоглотке. Из ушей текла тонкая струйка крови — барабанные перепонки едва выдержали перепад давления.

— Денисов... — прохрипел он, хватая сержанта за плечо.

Парень был жив, но находился в глубоком шоке. Его глаза были расширены, он беззвучно хватал ртом воздух, не понимая, где находится. Автоматный огонь в коридоре позади них прекратился — мелкие твари, испугавшись жара и ударной волны, временно отступили обратно в вентиляцию. Но это было лишь вопросом времени. Гнездо затаилось.

Путь наверх, к спасительной поверхности, теперь был завален обугленной тушей гиганта и раскаленными обломками лестницы.

Корсаков поднял с пола фонарь Сычева — толстое стекло выдержало взрыв. Луч света прорезал густой черный дым.

— Наверх дороги нет, — тихо сказал капитан, обращаясь скорее к самому себе. — Единственное место, где остался воздух и герметичные двери — это центральный бокс Громова. Ползем туда. Если этот умник еще жив, у него должен быть ключ от резервного шахтного лифта.

Он помог Денисову подняться, фактически взвалив парня на себя. Держа в одной руке пистолет Ярыгина, а другой поддерживая хрипящего сержанта, Корсаков двинулся вглубь задымленного, покрытого копотью коридора «Минус-4». Туда, где за тремя слоями бронированного поликарбоната сидел человек, создавший этот кошмар.

ГЛАВА 4. Герметичность

В боксе 4 пахло озоном, паникой и мочой. Источником последнего запаха была макака-резус — она больше не кричала, а лишь тихо, хрипло скулила в углу, забившись под операционный стол. Ремни, удерживающие ее, были натянуты до предела.

— Анна, держи этот край! Держи, черт тебя дери! — кричал Громов.

Его идеальный белый халат был испачкан серой слизью, а золотая оправа очков съехала набок. Великий ученый, который еще пятнадцать минут назад рассуждал об исправлении ошибок Бога, сейчас стоял на хлипком офисном стуле и пытался забить вентиляционное отверстие на потолке тяжелым системным блоком от главного компьютера.

Из черного зева трубы, преодолевая сопротивление металла, выдавливалось нечто мягкое, сегментированное и липкое.

Анна стояла внизу, прижимая к стене тяжелый баллон с жидким азотом. Ее руки ходили ходуном. Рычаг подачи заклинило от холода, и белая ледяная струя с шипением била в потолок, превращая падающие капли черной паучьей жидкости в хрупкие стеклянные сосульки.

— Они пробивают фильтры в секторе «В»! — кричала Анна, с трудом перекрывая вой сирены. — Виктор Сергеевич, компьютер показывает, что давление в общей магистрали упало! Они грызут пластик! Они сожрут проводку, и мы останемся без света!

— Заткнись! Просто жми на клапан! — сорвался на визг Громов.

Системный блок скрежетал под натиском изнутри. Громов навалился на него всем своим весом, чувствуя, как через тонкий металл корпуса передается бешеная, ритмичная вибрация. Там, в темноте трубы, что-то билось. Сильно. Целенаправленно. Это не был слепой инстинкт насекомого — это была групповая работа. Твари давили одновременно, синхронно, словно по команде.

Хрусь.

Пластиковая ножка стула под Громовым не выдержала. Профессор взмахнул руками и с грохотом полетел на кафельный пол, больно ударившись крестцом. Системный блок тут же сдвинулся, и из образовавшейся щели на пол посыпались черные комья.

Они были маленькими — не больше кулака, но двигались со скоростью ртутных капель.

— Жги их! Анна, жги! — заорал Громов, отползая назад на четвереньках.

Девушка направила раструб шланга на пол. Струя жидкого азота ударила по первой твари. Паук мгновенно покрылся белым инеем, замер и с легким сухим треском лопнул, не выдержав экстремального минуса. Второго паука Анна успела раздавить тяжелым медицинским справочником — по кафелю расплылось желто-зеленое пятно.

Но сверху, из открывшегося зазора, уже высывалась лапа следующего. Длинная, толщиной в руку, покрытая шипами.

И в этот момент сирена над их головами подавилась и затихла. Багровый свет аварийных ламп сменился полной, звенящей темнотой.

Анна вскрикнула.

— Тихо! — рявкнул Громов. — Замри.

В темноте лаборатории воцарилась тишина, нарушаемая только шипением остатков азота из баллона и тяжелым, прерывистым дыханием ученых. Громов нащупал в кармане телефон, включил фонарик. Узкий луч света выхватил бледное лицо Анны. Ее глаза были огромными, полными первобытного ужаса.

И вдруг сзади них, со стороны главного входа в бокс, раздался жуткий, глухой удар.

БАМ!

Бронированная поликарбонатная дверь, способная выдержать прямой выстрел из гранатомета, вздрогнула. Анна отшатнулась, едва не повалив баллон.

БАМ! БАМ!

— Открывай, Громов! Открывай, тварь, хуже будет! — донесся из-за двери искаженный, хриплый голос капитана Корсакова. — Открывай, или я взорву замок к чертям собачьим!

Громов подскочил к панели управления дверью. Она была мертва — экран погас из-за короткого замыкания.

— Капитан! — закричал Громов, прижимаясь губами к стыку двери. — Панель обесточена! Замок заблокирован в закрытом положении! Электроника сдохла!

С той стороны двери на секунду воцарилась тишина. А затем раздался тяжелый, надрывный кашель Корсакова и слабый, бессвязный бред Денисова.

— У вас есть механический ключ, профессор, — голос Корсакова за дверью звучал тихо, но в нем прорезался свинец. — Я знаю, что у руководства есть ручной дублер. Ищи его. Потому что прямо сейчас по коридору за мной ползет то, что ты вырастил. И у меня остался всего один магазин к пистолету. Ищи ключ, Громов. Быстро.

А сверху, из вентиляционной щели, снова раздался знакомый сухой шелкающий звук. Твари поняли, что люди в боксе отвлечены. Лапа на потолке продвинулась еще на несколько сантиметров вперед.

ГЛАВА 5. Шаг в бездну

— Да где же он?! Где этот чертов ключ?! — Громов в панике швырял на пол ламинатные папки, коробки с предметными стеклами и стерильные инструменты.

Телефон в его зубах дрожал, из-за чего узкий луч света бешено метался по стенам лаборатории. Сверху, из вентиляции, хруст становился всё более настойчивым. Стальная заслонка, подпертая системным блоком, уже выгнулась дугой. Оттуда, словно черные нити, наружу протискивались тонкие, покрытые едкой слизью лапы.

— Виктор Сергеевич! Сюда! — Анна стояла у старого металлического сейфа в углу бокса. Ее руки были по локоть в пыли. — Он здесь! На нижней полке, в коробке из-под реактивов!

Она вытащила массивный, длинный железный штырь с фигурной нарезкой на конце. Это был ручной ключ для гидравлических замков — архаизм, который Громов всегда презирал, считая пережитком прошлого.

— Давай его мне! — Профессор выхватил ключ, едва не выронив телефон.

За бронированной дверью в этот момент раздался оглушительный грохот. Пистолет Ярыгина в руках Корсакова рывкнул три раза подряд. Звук выстрелов в замкнутом пространстве коридора показался Громову взрывом гаубицы.

— Громов, твою мать! — донесся бешеный, хриплый крик капитана. — Ломайте замок! Они перегруппировались! Они... они обходят!

Корсаков стоял в коридоре, прижавшись спиной к холодному металлу двери бокса. Его фонарь почти сел, выдавая тусклый, желтоватый свет. В этом полусвете капитан видел, как из густого дыма после термобарического взрыва медленно проступают силуэты.

Но это были не пауки.

Из темноты, дергаясь и волоча сломанную ногу, выходила фигура в камуфляжной форме. Это был Сычев. Тот самый рядовой Сычев, которому matka пять минут назад перекусила горло. Его голова по-прежнему висела под неестественным углом, заваленная на левое плечо. Руки парня безвольно болтались вдоль туловища, но ноги... ноги переставлялись. Судорожно, с трудом, словно кто-то дергал за невидимые ниточки.

Из-под воротника его формы, из разорванной раны на шее, торчали суставчатые, лоснящиеся лапы черного паука, который забрался глубоко внутрь грудной клетки мертвеца.

— Сыч?... — Денисов, сидевший на полу у ног Корсакова, издал тихий, скулящий звук и закрыл лицо руками.

— Это не Сычев, — Корсаков поднял пистолет, чувствуя, как внутри всё каменеет от дикого, противоестественного ужаса. Человек, прошедший войну, мог понять монстров. Но он не мог понять, когда монстры оскверняли мертвых. — Это не он, Денис. Не смотри.

Мертвый Сычев открыл рот. Вместо человеческого голоса из его груди раздался сухой, вибрирующий стрекот, который эхом разнесся по бетонному коридору. А затем мертвец резко, неестественно быстро вскинул левую руку. В его пальцах был зажат автомат.

Пауки не умели стрелять, но они использовали мышцы мертвеца, чтобы поднять оружие.

Корсаков среагировал раньше. Он всадил две пули прямо в лоб мертвецу. Голова Сычева откинулась назад, тело рухнуло на бетон, но автомат успел выдать короткую, хаотичную очередь в потолок. Огненные трассеры рикошетили от стен. И в ту же секунду из темноты за упавшим телом Сычева показались новые тени. Пауки-солдаты шли клином, прикрываясь телами погибших сотрудников. Они действовали как обученная штурмовая группа.

— Громов!!! — Корсаков со всей силы ударил ногой в бронированную дверь. — Открывай!!!

Внутри бокса Громов с силой вогнал железный штырь в аварийное гнездо в стене рядом с дверью. Ключ вошел со скрежетом.

— Помогай! — крикнул он Анне.

Они вдвоем ухватились за Т-образную рукоять и навалились всем весом. Натяжение было сумасшедшим. Заклинившая гидравлика сопротивлялась, металл визжал. Громов чувствовал, как у него трещат жилы на руках.

— Ну же! Давай! — хрипела Анна, заливаясь слезами.

КЛАЦ.

Внутри стены сработал тяжелый противовес. Огромные стальные ригели, удерживавшие трехтонную дверь, со щелчком убралась в пазы. Тяжелая створка медленно, неохотно начала отходить в сторону, открывая щель.

Из коридора в стерильную лабораторию мгновенно ворвался удушливый запах гари, пороховых газов и гнилой сырости.

Корсаков не стал ждать, пока дверь откроется полностью. Он схватил Денисова за лямки разгрузки и буквально вшвырнул полубессознательного сержанта внутрь бокса, на кафельный пол. Следом, отстреливаясь на ходу, в проем протиснулся сам капитан.

— Закрывай! Крути обратно! — заорал Корсаков, падая на колени. Его лицо было черным от копоти, глаза налились кровью.

Громов и Анна снова вцепились в железный штырь, пытаясь провернуть его в обратную сторону, но гидравлику заклинило окончательно. Дверь замерла, оставив зазор шириной в тридцать сантиметров.

И в этот зазор, в тусклом свете телефонного фонарика, Громов увидел то, что заставило его сердце пропустить удар.

В щели коридора стоял Серега — диспетчер с пульта управления. Его лицо было серым, лишенным жизни, а изо рта, разрывая щеки, вылезали суставчатые лапы паука-кукловода. Мертвый диспетчер медленно поднял руку и прижал бледную, испачканную в крови ладонь к стеклу бокса. Точно так же, как это делала особь-матрица Ева пятнадцать минут назад.

И Громов понял. Они не просто пытались прорваться внутрь, чтобы сожрать их.

Они искали ключ от шлюза, ведущего на поверхность.

ГЛАВА 6. Мертвая плоть

Дверь заклинило намертво. Тридцать сантиметров — достаточный зазор, чтобы человек мог протиснуться боком, но для тварей этого пространства было больше чем достаточно.

— Держи! Держи ее! — Корсаков вбил приклад автомата Сычева, который он успел подобрать в коридоре, прямо в щель между дверью и косяком, создавая хоть какой-то упор.

За дверью, в клубах едкого дыма, стоял мертвый диспетчер Серега. Его пальцы, лишённые ногтей, скребли по бронированному поликарбонату. Раздавался мерзкий, сухой звук, от которого зубы заходили ходуном. Но пугало другое: Серега не был один. Из темноты коридора к щели начали прижиматься другие тела. Коля Петров, лаборанты из третьего бокса, уборщица тетя Тома. Все они двигались синхронно, как сломанные шарнирные куклы. Пауки внутри них использовали человеческие кости и сухожилия как рычаги, с хрустом выламывая суставы в обратную сторону, чтобы плотнее набиться в узкий проход.

— Профессор, помоги! — хрипел Корсаков, упираясь сапогами в косяк. Капитан давил изо всех сил, но масса тел с той стороны была колоссальной. — Они используют их как живой таран!

Хрусь.

Рука мертвого Сереги под давлением сзади сломалась в локте, кость прорвала рукав формы, но тело даже не вздрогнуло. Мертвецы давили вперед, их безжизненные лица сплющивались о край двери. Из открытых ртов, лопаясь от трупного газа, наружу лезли сегментированные черные лапы. Они слепо тянулись внутрь лаборатории, нащупывая живое тепло.

— Господи, господа, господа... — Анна забилась в угол между сейфом и столом, зажав уши руками. Ее рвало желчью прямо на стерильный кафель.

Вдруг сзади них раздался тяжелый, надрывный хлюпающий кашель.

Громов, который в ступоре стоял посреди бокса, медленно повернул голову. На полу, среди осколков предметных стекол, лежал сержант Денисов. Его бронежилет был растянут. Парень судорожно хватал ртом воздух, его грудная клетка ходила ходуном, поднимаясь неестественно высоко.

— Ка... капитан... — прохрипел Денисов. Из его носа потекла струйка густой, абсолютно черной жидкости. Точно такой же, какую Громов видел в вентиляции.

— Денис! Держись, парень! — не оборачиваясь, крикнул Корсаков. — Профессор, сделай что-нибудь! Вколи ему противоядие, у тебя же есть эта чертова сыворотка!

Громов сделал шаг назад. Его профессиональный взгляд мгновенно выхватил детали, от которых по спине побежал ледяной пот. Это не было обычное ранение. Горло Денисова под воротником было раздуто, словно там созрел огромный нарыв. И этот нарыв... пульсировал. Под кожей шеи сержанта отчетливо проступали тонкие, быстрые тени. Они двигались вверх, к подбородку, и вниз, к ключицам.

— Нет... — прошептал Громов, чувствуя, как у него подкашиваются ноги. — Никакого укуса не было. Они не просто кусают.

— Что ты несешь, Громов?! Коли лекарство! — рявкнул капитан. Приклад автомата в щели двери уже начал трещать под диким давлением мертвецов. В зазор просунулась бледная, синюшная рука Сереги, покрытая каплями желтой сукровицы. Пальцы мертвеца судорожно пытались нащупать Корсакова.

— Анна... — Громов повернулся к бледной ассистентке. Его голос упал до свистящего шепота. — Какая стадия регенерации была у макаки? Какая плотность волокон?

Анна подняла на него полные ужаса глаза. Она всё поняла без слов. — Клетки... — выдохнула она, глотая слезы. — Клетки сыворотки принимают любую форму, если есть матрица. Они не лечат человека. Они перестраивают его.

Денисов на полу вдруг выгнулся дугой. Его позвоночник хрустнул так громко, что звук перекрыл даже скрежет двери. Глаза сержанта закатились, оставив только белки, покрытые лопнувшими черными капиллярами.

— Капитан... мне... тесно... — донесся из его груди чужой, двойной голос. Это был голос Денисова, но переплетенный со звуками сухого, вибрирующего стрекота.

Его живот под камуфляжной курткой внезапно вздулся, словно футбольный мяч. Ткань формы натянулась и с треском лопнула. Прямо из пупка парня, разрывая плоть и мышцы без единой капли красной крови (вся она уже стала черной слизью), высунулась острая, покрытая жесткими хитиновыми волосками лапа. Затем вторая.

Существо внутри сержанта не просто росло — сыворотка Громова, попавшая в кровь парня при микроукусе в коридоре, перестраивала его собственный организм за считанные минуты, превращая кости в каркас, а мышцы — в пищу для нового выродка «Восьмого дня». Человек перерождался, становясь живым коконом, который выворачивался наизнанку.

— Отойди от него! Корсаков, назад!!! — истошно закричал Громов.

Денисов, который больше не был человеком, резко перевернулся на живот. Его руки и ноги удлинились, суставы с сухим щелчком выгнулись назад, превращая конечности в подобие паучьих лап. Нижняя челюсть парня с хрустом разошлась посередине на две половины, образуя влажные, шевелящиеся жвала. На месте его лица, лопая кожу, начали открываться маленькие, бурые фасеточные глаза.

Эта тварь была уже внутри лаборатории. Герметичность бокса больше не имела значения — кошмар проник в самое сердце их убежища.

Тварь-Денисов повернула уродливую, наполовину человеческую голову к Корсакову и издала оглушительный, торжествующий свист. В ту же секунду приклад автомата в дверях не выдержал и с треском лопнул. Трехтонная стальная дверь с грохотом сдвинулась назад, и в образовавшийся проход лавиной хлынули мертвецы.

ГЛАВА 7. Последний аргумент

— Бегом! К техническому шлюзу! — Корсаков выхватил пистолет и в упор разрядил остаток магазина в голову того, что еще минуту назад было сержантом Денисовым.

Тварь покачнулась. Пули разнесли человеческую часть черепа, но биомасса внутри лишь судорожно дернулась, перехватывая контроль. Переломанные суставы Денисова скрежетали по кафелю, когда существо бросилось на капитана. Корсаков успел перекатиться в сторону. Тварь с грохотом врезалась в баллон с жидким азотом, опрокидывая его.

В этот же миг в сорванную с петель дверь бокса хлынул серый поток мертвецов.

Громов не помнил, как бежал. Страх стер из его головы все мысли о величии и науке. Он просто бежал за Корсаковым, тяжело дыша и спотыкаясь о разбросанные по полу бумаги. Сзади раздался дикий, захлебывающийся крик Анны. Громов обернулся на долю секунды: бледные, синюшные руки мертвого Коли Петрова утаскивали плачущую девушку в темноту вентиляционного короба, откуда уже тянулись десятки лап. На пол упал ее планшет, экран которого мгновенно треснул под чьим-то сапогом.

— Не смотри! Прыгай! — Корсаков сорвал тяжелую чугунную крышку напольного люка, ведущего в дренажный коллектор под сектором.

Профессор буквально рухнул в черную, пахнущую ржавчиной сырую пустоту. Следом за ним, тяжело дыша, скатился капитан, с грохотом задвинув крышку люка изнутри на засов.

Сверху тут же раздалась сотня тяжелых, влажных шлепков и яростный скрежет когтей по металлу. Засов задрожал, но выдержал. Они оказались в узком, бетонном тоннеле, где едва можно было идти согнувшись. Под ногами текла ледяная техническая вода.

Корсаков обессиленно прислонился к стене, его дыхание было свистящим, из груди вырывался хрип. — Всё... — прошептал капитан, глядя на пустой пистолет. — Мы в ловушке. Выхода отсюда на поверхность нет. Это дренаж. Он закольцован. Оружия нет. Патронов нет. — он загнулся, и его лицо исказилось от боли.

Громов сидел в грязной воде, прижав колени к груди. Его трясло. Вдруг его пальцы наткнулись на что-то твердое во внутреннем потайном кармане порванного халата.

Это был металлический пенал-контейнер на кодовом замке. Профессор медленно вытаскивал его. Нажав три цифры, он услышал мягкий щелчок. Крышка откинулась.

Внутри, в мягком ложементе из черного поролона, тускло поблескивала стеклянная ампула. Внутри нее лениво переливалась густая, флуоресцирующая фиолетовым светом жидкость. Полноценный, неразбавленный концентрат штамма «Восьмой день». Та самая чистая ДНК доисторического прародителя роя, из которой Громов синтезировал свою сыворотку.

— Что это? — Корсаков перевел на него тяжелый, воспаленный взгляд фонаря.

— Это... — Громов сглотнул вязкую слюну, его голос сорвался на сип. — Это чистый вирус. Первородный штамм. Всё, что мы кололи животным и из чего делали лекарство — это разбавленный в миллион раз раствор. Ослабленный. Но даже он... вы видели, что он сделал с вашим сержантом за пять минут.

Капитан медленно подошел к ученому, нависая над ним в тесноте тоннеля. — И что эта дрянь делает в чистом виде? — тихо спросил он.

— Если разбить эту ампулу в центральной системе фильтрации воздуха... — Громов поднял глаза на Корсакова, и в его зрачках отразился фиолетовый отсвет стекла. — Рой не просто вырастет. Начнется неконтролируемый биосинтез. Они начнут пожирать друг друга, мутировать с такой скоростью, что их собственные панцири разорвутся от избыточного давления. Это вызовет тотальный некроз их тканей за несколько часов. Они буквально растворятся в слизь. Все до единого. Включая Еву.

Корсаков на секунду замолчал, переваривая информацию. Затем на его губах появилась жуткая, окровавленная усмешка.— Отлично. Значит, у нас есть план. Где эта ваша вентиляционная система?

— Вы не дослушали, капитан, — Громов покачал формой ампулы. — Первородный штамм летуч. У нас нет костюмов химзащиты. Если мы разобьем его там, воздух в комплексе станет смертельным для любого живого организма. Вирус перестроит наши клетки еще до того, как мы успеем добежать до шлюза. Мы не просто умрем. Мы... мы станем частью этого роя. Мы превратимся в их плоть, прежде чем они сдохнут.

Сверху, по чугунной крышке люка, раздался мощный, целенаправленный удар. Засов согнулся. Твари нашли их.

ГЛАВА 8. Цена триумфа

Самые страшные монстры — это не те, что скребутся в темноте. Это люди, готовые перешагнуть через чужие жизни ради собственной выгоды. И Громов был именно таким человеком. В его голове, очистившейся от первобытного ужаса, снова защелкал сухой, холодный калькулятор. Чистый штамм «Восьмого дня» стоил миллиарды. Фармацевтические гиганты, военные ведомства, частные корпорации — они отдадут всё за технологию мгновенной перестройки живой материи. Если он вынесет ампулу, он не просто выживет. Он станет богаче королей.

— Капитан, — Громов заставил свой голос звучать дрожаще, испуганно, маскируя лихорадочный блеск в глазах. — Нам нужно разделиться. На «Минус-2» ведет два дренажных рукава. Если мы пойдем вместе, нас прижмут в первом же тупике.

Корсаков, тяжело опираясь на стену и сжимая в руке кусок ржавой арматуры со следами паучьей слизи, медленно повернул голову. Его фонарь почти угас, выдавая лишь мертво-серый полукруг света. — Разделиться? Профессор, ты в своем уме? Ты там и двух метров не пройдешь, тебя сожрут.

— Нет, я знаю техническую схему, — соврал Громов, плавно отступая назад по колено в грязной воде. — Левый рукав короче. Я проберусь к вентиляционному шлюзу и разобью ампулу. А ты... ты должен отвлечь их. Набери воздуха, шуми, веди их по правому рукаву. Дай мне время, Корсаков! Это наш единственный шанс.

Капитан долго смотрел на него. Его лицо, покрытое копотью и запекшейся кровью, не выражало ничего. Он прошел слишком много войн, чтобы верить людям на слово, но сейчас, истощенный взрывом и потерей бойцов, он совершил главную ошибку — поверил в остатки человечности ученого.

— Хорошо, — Корсаков тяжело кивнул. — Если я услышу, что вентиляция не запустилась через десять минут, Громов... я найду тебя. Даже если сдохну.

— Конечно, капитан. Удачи, — Громов развернулся и быстро пошагал вглубь левого, более узкого тоннеля.

Как только фигура Корсакова скрылась за бетонным поворотом, а из правого рукава донесся преднамеренный, громкий стук арматуры по трубам и ответный яростный стрекот тварей, Громов перешел на бег.

Левый рукав не вел к вентиляции. Он вел к личному, глубоко засекреченному спасательному модулю Громова, о котором не знала даже Анна. Небольшая капсула на сжатом воздухе, способная выстрелить одного пассажира по наклонной шахте прямо на поверхность — в заброшенный лесной коллектор в трех километрах от комплекса.

Профессор бежал, задыхаясь, прижимая заветный пенал к груди. Вода брызгала из-под его туфель. Сзади, из глубин дренажной системы, донеслись глухие звуки ударов и яростный человеческий крик — Корсаков принял свой последний бой. Громов даже не обернулся. Капитан сделал свою работу. Он послужил идеальным мясом.

Через две минуты Громов уперся в глухую металлическую дверь с кодовым замком. Пальцы, испачканные в грязной воде, соскальзывали с кнопок, но со второй попытки замок щелкнул. Дверь открылась, пропуская его в сухой, чистый бокс эвакуации. Посреди него стояла яйцеобразная стальная капсула.

— Спасительный штрих... — Громов безумно рассмеялся, вваливаясь внутрь капсулы.

Он захлопнул тяжелый герметичный люк и потянулся к рычагу запуска. На мониторе перед ним загорелась зеленая надпись: «Готовность к старту 100%». Всего один поворот рукояти — и пневматический поршень вытолкнет его наружу, к солнцу, к свободе, к его миллиардам.

Громов положил пенал на колени, открыл его, чтобы в последний раз взглянуть на фиолетовое свечение ампулы.

Стекло было целым. Но внутри... внутри ложемент, прямо под ампулой, сидел крошечный, размером с монету, абсолютно лысый паучок. С крошечным, сморщенным человеческим лицом на брюшке, которое, казалось, ухмылялось ученому. Нано-особь, пробравшаяся в пенал еще в лаборатории, когда Громов в панике бросил его на пол.

Паучок медленно поднял переднюю лапку и с силой опустил ее на тонкое стекло ампулы.
Хрусь.

Фиолетовая жидкость мгновенно брызнула наружу, растекаясь по поролону и пальцам Громова.

— Нет... нет, нет! — закричал профессор, пытаясь вытереть руки о халат, но было поздно. Летучий первородный штамм мгновенно превратился в фиолетовый газ, заполняя герметичное, замкнутое пространство капсулы.

Громов судорожно рванул рычаг запуска. Капсула вздрогнула, раздался мощный свист сжатого воздуха, и перегрузка вдавила ученого в кресло. Модуль на огромной скорости понесся вверх по наклонной шахте, унося профессора на поверхность Земли.

Но наверх летел уже не человек.

В тесноте летящей капсулы Громов дико закричал, когда почувствовал, как его собственные ребра внутри груди с сухим шелчком начинают ломаться, перестраиваясь и выворачиваясь в обратную сторону. Его челюсть распадалась надвое, а из карманов халата, привлеченные запахом чистой крови, один за другим начали вылезать черные, голодные комья, готовые встретить этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.